

Сильвестер Фертач
(Катовице)

ЭМИГРАЦИОННЫЕ ПРАВИТЕЛЬСТВА СЛАВЯНСКИХ СТРАН
И ВСЕСЛАВЯНСКИЙ КОМИТЕТ В МОСКВЕ
ВО ВРЕМЯ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

После трагедии Чехословакии, поражений Польши и Югославии, подчинения немцами Болгарии среди части политиков и общественных деятелей славянских стран укреплялось убеждение, что без объединения в едином фронте, без преодоления возросших взаимных претензий и разногласий славянские народы не только не отыщут, но и не смогут сохранить в будущем свою независимость.

Дискуссии в этом духе велись, в частности, среди прогрессивной славянской эмиграции в Советском Союзе, в кругу ученых, писателей и деятелей культуры – друзей чешского историка культуры, сторонника идеи славянского сотрудничества на основе социалистических перемен в славянских странах – Зденька Неедлы. После нападения Германии на Советский Союз З. Неедлы, Александр Фадеев, Александр Корнейчук, Игорь Белза, Николай Державин, Алексей Толстой, Елизавета Пешкова и др. создали кружок, в котором дискутировалась проблема славянского сотрудничества в новых военных условиях¹. Этот кружок и выступил с предложением создания организационных форм нового демократического, антифашистского движения славянской солидарности.

Советские власти положительно откликнулись на эту инициативу. Советское руководство предпринимало различные действия, чтобы активизировать движение сопротивления в тылу немецкой армии,

¹ *Зденек Несулы – выдающийся общественный деятель и ученый*, ред. С. И. Прасолов, Москва 1964, с. 123; Z. Firlinger, *Ve službách ČSR. Paměti z druhého zahraničního odboje*, díl 2, Praha 1948, с. 187; *O Zdenku Nejedlém. Statí a projevy k jeho sedmdesátinám*, usp. V. Pekárek, Praha 1948, с. 218; *Zdeněk Nejedlý ve vzpomínkách svých sovětských žáků a spolupracovníků*, Praha 1978, с. 42.

ускорить военные действия на Западе и особенно ускорить создание второго фронта в Европе. Кроме дипломатических усилий этой цели должна была служить пропагандистская деятельность, разоблачающая перед лицом мировой общественности гитлеровские планы истребления славянских народов и пропагандирующая активную антифашистскую борьбу среди тех общественных кругов других стран, которые – если так можно сказать – были особенно заинтересованы в скором окончании войны и интересы и специфические черты которых в какой-то мере были общими – т.е. женщин, ученых, молодежи, евреев, славян и др. Ожидалось также, что пропагандистские материалы советских или интернациональных антифашистских организаций, действующих в Советском Союзе, будут иметь более легкий доступ к заграничным средствам массовой информации и более широкий радиус общественного воздействия, чем материалы официальных советских органов и институтов².

В августе, сентябре и октябре 1941 г. состоялись в Москве антифашистские митинги и вскоре сформировались антифашистские комитеты женщин, ученых, евреев и советской молодежи. 10 и 11 августа состоялся также первый Всеславянский митинг, на котором с воззванием к единству славян и усилению борьбы с фашизмом выступили представители всех славянских народов из славянской эмиграции в СССР, кроме лужицких сербов³.

После этого митинга на учредительном собрании представителей общественности славянских народов 5.10.1941 г. в Москве был создан антифашистский Всеславянский Комитет, как составная часть антифашистского движения сопротивления и антифашистского фронта во второй мировой войне⁴. В состав Всеславянского Комитета вошли представители славянских народов СССР и представители польской, болгарской, чешской, словацкой, сербской, хорватской, словенской и македонской эмиграции в Советском Союзе⁵.

Среди основных целей и общественных задач, которые поставил перед собой Всеславянский Комитет, были: мобилизация и единение

² См. напр.: Центральный государственный архив Октябрьской революции, высших органов государственной власти и органов государственного управления СССР, ф. 6646, оп. 1, д. 73, л. 2 (далее; ЦГАОР...).

³ См. „Правда” от 11.08.1941, № 221, от 12.08.1941, № 222. Всеславянский митинг в Москве. Выступления представителей славянских народов на Всеславянском митинге, состоявшемся 10–11.08.1941 г. Москва 1941.

⁴ ЦГАОР, ф. 6646, оп. 1, д. 1, л. 1–2.

⁵ Комитет возглавил генерал-лейтенант Александр Гундоров. Поляков в Президиуме Комитета представлял сначала генерал Мариан Янушайтис, а после его отбытия из СССР – Ванда Василевская. В разное время в состав Комитета входили также Леон Хвистек и Александр Завадский.

всех славян на борьбу с гитлеризмом с целью полного его истребления и восстановления национальной независимости славянских народов и государств; разоблачение гитлеровских планов по уничтожению славянских наций и распространение фактов варварского воплощения гитлеровскими оккупантами этих планов в жизнь; установление связей с заграничными славянскими организациями, славянской прессой и славянскими общественными деятелями⁶.

Осуществление этой последней задачи было, по сути дела, основным направлением деятельности Всеславянского Комитета во время войны⁷.

Через свои контакты и связи с эмиграционными славянскими организациями, радиопередачи для славянской эмиграции в разных странах, высылку разного рода информации и материалов для эмиграционной славянской прессы, Комитет давал возможность ознакомления славянской эмиграции – и через нее целой общественности стран ее проживания – с обстановкой на оккупированных немцами славянских землях, развитием движения сопротивления, борьбой на восточном фронте. Эти информации должны были способствовать росту симпатий к славянским народам и СССР, а также в последствии активизировать действия в пользу помощи борьбе славян с гитлеровским агрессором. Конечно, проблема не сводилась только к материальной помощи, хотя и такая помощь была нужна. Более важным был политической и пропагандистский нажим на население и правительства неславянских стран с целью активизации военных действий на западных фронтах и прежде всего – ускорения открытия второго фронта в Европе.

Независимо от того, что Всеславянский Комитет старался установить связь со всеми, даже самыми немногочисленными славянскими группами в разных странах мира, больше всего внимания уделял контактам со славянскими эмиграционными группами в Англии и Соединенных Штатах Америки. Во-первых, потому, что это были страны, от которых прежде всего зависело развитие антифашистских военных действий на западном фронте, и во-вторых, потому, что славянская эмиграция в этих странах, хотя по своему характеру существенно отличающаяся друг от друга, составляла в качественном и количественном отношении силу, с которой в определенной степени должны были считаться правительства этих стран.

Специфические черты славянской эмиграции в Англии заключались в том, что это была в преобладающем большинстве военная эмиграция. Там нашли приют государственные учреждения Польши, Югославии, Чехословакии, партийные и государственные чиновники и политические деятели, журналисты, ученые, военные и другие вместе с семьями,

⁶ ЦГАОР, ф. 6646, оп. 1, д. 1, л. 18, 34.

⁷ ЦГАОР, ф. 6646, оп. 1, д. 32, л. 2; оп. 1, д. 72, л. 1; оп. 1, д. 73, л. 2, 9.

связанные с эмиграционным государственным аппаратом разного рода узами материальной и политической зависимости. Настроения и деятельность большинства этой эмиграции определялись политической линией и начинаниями отдельных эмиграционных правительств. Поэтому возможности пропагандистского воздействия и установление связей Всеславянского Комитета со славянскими организациями в Англии прямо зависели от отношений между эмиграционными правительствами славянских стран и правительством Советского Союза.

Надо сказать, что независимо от позднейшего развития событий, были, по крайней мере, три фактора, которые влияли на некоторую сдержанность, с которой официальные круги славянских стран встретили воззвание I Всеславянского митинга и возникновение Всеславянского Комитета.

Во-первых, обсуждаемые внутри антифашистской коалиции, в том числе и среди славянских эмиграционных правительств планы создания послевоенной конфедерации стран средней и юговосточной Европы не предусматривали возврата к идеи славянской взаимности и тем более участия СССР в планированном блоке стран.

Во-вторых, эмиграционные власти Польши, Чехословакии и Югославии были против выдвинутого I Всеславянским митингом лозунга немедленного развертывания на оккупированных славянских землях массовой вооруженной борьбы. Полагалось – впрочем, согласно также концепциям английских институтов планирования войны – что пока фронтовые действия не ослабят фашистской силы, массовые вооруженные выступления против оккупантов принесут только много ненужных жертв (польские концепции ограниченной борьбы, бенешовский лозунг „зимовки”, ложные действия четников Д. Михайловича).

В-третьих, в правительственных кругах славянских стран родились опасения, что деятельность Всеславянского Комитета – это возврат к старому русскому панславянству, одетого сейчас в „красную краску”; что плывущие из Москвы лозунги славянской солидарности служат прикрытием для распространения коммунистической идеологии. Эти опасения усугублялись тем, что активисты Комитета в преобладающем большинстве были коммунистами. Кроме того, Всеславянский Комитет не был самостоятельной организацией, находился в системе советской пропаганды (был подчинен Советскому информбюро), а также в его материалах появлялись формулировки, напоминающие идеи панславянства („СССР – организационный центр славянского движения”, „единственная опора и защитник всех славян”, „Москва – столица славянства” и пр.)⁸.

⁸ ЦГАОР, ф. 6646, оп. 1, д. 53, л. 2; ф. 8581, оп. 1, д. 77, л. 125; д. 101, л. 74, „Славяне” 1944, № 6, с. 3–5, 18–19.

Если говорить конкретно об отношении правительств славянских стран к деятельности Всеславянского Комитета, надо сказать, что с самого начала очень сдержанно было принято воззвание Всеславянского митинга и возникновение Комитета эмиграционным королевским правительством Югославии. С полным одобрением лондонской эмиграции встретился отказ югославского посла в СССР М. Гавриловича участвовать в I Всеславянском митинге⁹. Участие в работе митинга и Всеславянского Комитета на равных правах представителей всех народов Югославии противоречило идеологии пансербизма и Югославского королевского унитаризма. Кроме того, как уже сказано, правительство Югославии участвовало в создании федерации стран Балканского полуострова, начало которой положило греческо-югославское соглашение от 15.01.1942 г. Зато со Всеславянским Комитетом установили связь оппозиционные антикоролевские организации, несогласные, прежде всего, с национальной политикой правительства Югославии и его отрицательным отношением к вооруженной борьбе в стране. В 1943 г. эти оппозиционные организации образовали Объединенный комитет южных славян, который возглавили славенец проф. Борис Фурлан, серб журналист Михаило Петрович и хорват экономист Рудольф Бичанич¹⁰.

Также с большой сдержанностью отнесся к созданию Всеславянского Комитета генерал Владислав Сикорский и его правительство, однако, не желая более осложнять польско-советские отношения, не выражал сначала публично своего отрицательного отношения к этому факту. Правительственный „Дзенник польски” поместил даже обширный отчет о I Всеславянском митинге, сосредоточивая внимание главным образом на выступлении генерала Мариана Янушайтиса, но воздержался от комментариев¹¹. Авторитетный ответ на вопрос о действительном отношении польских эмиграционных правительственных кругов к идеи солидарности всех славянских народов дал генерал В. Сикорский 12.01.1942 г. на заседании польского правительства в отчете о своей поездке в СССР в декабре 1941 г., в котором, в частности, сказал: „Кроме пограничной проблемы, могут в будущем появиться другие источники нашего конфликта с Россией. Одним из них является российский панславянизм, который решительно отвергаем. Белый или красный – он представляет собой опасность для нас и для западных славян. Поэтому мы должны предостеречь наших беженцев и солдат

⁹ См. Г. М. Славин, *Об откликах в СССР на восстание в Югославии (1941 г.)*, „Советское славяноведение” 1972, № 4, с. 25.

¹⁰ ЦГАОР, ф. 6646, оп. 1, д. 54, л. 13; „Славяне” 1944, № 1, с. 43–44; *Narodno oslobodilački pokret i Jugosloveni u Londonu*, London 1945, с. 66–68.

¹¹ „Dziennik Polski” z 11.08.1941, nr 333; z 14.08.1941, nr 336.

в России от этих тенденций и пробовать договориться на западе с Чехословакией и Югославией”¹².

По мере углубления кризиса в польско-советских отношениях, польская эмиграция в Лондоне будет более открыто говорить о том, что СССР, провозглашая идею славянской солидарности, стремится к „[...] объединению славянских народов на основе коммунистической идеологии”¹³.

Тесную связь со Всеславянским Комитетом поддерживала с польской стороны только действующая с 1942 г. коммунистическая организация „Единство и действие” и созданные ею общедемократические организации (Польское объединение, Польская секция Товарищества членов Международных бригад в Испании, Польско-славянский комитет), а также генерал Люциан Желиговский.

По другому развивались отношения между Всеславянским Комитетом и эмиграционными кругами Чехословакии. На это влияло несколько факторов. Прежде всего, в отличие от поляков, президент Эдвард Бенеш более реалистически оценивал роль Советского Союза во время войны и после нее и поэтому стремился поддерживать хорошие отношения между Чехословакией и СССР. Кроме того, Э. Бенешу и другим лицам чехословацких правительственных кругов (П. Макса, Й. Давид, Г. Рипка, З. Ферлингер) – как и вообще чехам – славянская идея была идеей традиционно близкой. Они должны были также считаться с сильными славянофильскими и русофильскими настроениями населения своей страны. И наконец, эмиграционные чехословацкие власти поддавались – что касается отношений с СССР и переориентировки национально-освободительного движения на Советский Союз – постоянному политическо-пропагандистскому нажиму со стороны многочисленной и хорошо организованной чехословацкой коммунистической эмиграции в Англии. Коммунисты, сосредоточенные вокруг журнала „Младе Чешкословенско” (с начала 1943 г. – „Нове Чешкословенско”), начали формировать с февраля 1942 года Чехословацкий комитет славянской взаимности, провозгласивший себя филиалом Всеславянского Комитета в Москве и стремившийся к объединению прогрессивной славянской эмиграции в Англии¹⁴.

Все выше сказанное влияло на то, что очень быстро наладились хорошие отношения между Всеславянским Комитетом и эмиграционными

¹² *Documents on Polish-Soviet Relations, 1939–1945*, Vol. 1, 1939–1943, London 1961, с. 265.

¹³ „Dziennik Polski” z 12.05.1943, nr 870; „Dziennik Polski” i „Dziennik Żołnierza” z 11.06.1945, nr 136; „Wiadomości Polskie” z 17.05.1942, nr 20; „Myśl Polska” z 1.06.1943, nr 47, с. 689–690.

¹⁴ Archiwum Akt Nowych. Komitet Słowiański w Polsce, t. 42, n.p. (Речь П. Максы на славянском конгрессе в Белграде 11.12.1946 г.) Й. Копейка, *Славянские программы и идея славянской солидарности в XIX и XX веках*, Прага 1964, с. 175.

властями Чехословацкой республики (обмен письмами, поздравительными телеграммами, статьями, визитами и пр.).

Когда в 1943 г. порвались советско-польские отношения и когда чехословаки отказались окончательно от участия в разговорах на тему польско-чехословацкой конфедерации, сам Э. Бенеш начал поддерживать деятельность Чехословацкого комитета славянской взаимности. По инициативе того же комитета, Объединенного комитета южных славян и Польско-славянского комитета, а также отдельных представителей болгаров, булоруссов, украинцев и русских образовался 19.04.1944 г. Всеславянский комитет Великобритании „[...] для усиления борьбы славянских наций с немецким фашизмом и его сателитами в соответствии с принципами, намеченными Всеславянским комитетом в Москве”¹⁵. По рекомендации самого Э. Бенеша Комитет возглавил председатель Чехословацкого государственного совета Прокоп Маха, потом член того же совета Йожа Давид.

Надо добавить, что Э. Бенеш отнюдь не избавился от опасений, что славянская идея не будет „чистой идеей”, что будет служить распространению коммунистической пропаганды и осуществимых политических целей Советского Союза. Еще во время войны он писал, в частности: „Коммунисты, которые это новое славянское движение приняли, провозглашали и поддерживали, должны показать, что это есть работа, независимая от их политической и общественной доктрины, что нет у нее никаких непосредственных агитационных, внутриполитических целей в отношении собственных народов; что дело не в коммунизации других славянских наций. Надо стремиться к тому, чтобы наша народная и демократическая славянская политика действительно была целью самой по себе – и то с международной точки зрения – но не средством и инструментом внутривнутриполитических целей одной политической партии”¹⁶.

Sylwester Fertacz

EMIGRACYJNE RZĄDY PAŃSTW SŁOWIAŃSKICH
I WSZECHSŁOWIAŃSKI KOMITET W MOSKWIE
W OKRESIE II WOJNY ŚWIATOWEJ

W artykule przedstawiono przyczyny powstania Komitetu Wszechsłowiańskiego w Moskwie (1941 r.), kładąc nacisk na dwie podstawowe kwestie. Pierwsza – to inicjatywa przedstawicieli

¹⁵ Там же, с. 176; ЦГАОР, ф. 8581, оп. 1, д. 101, л. 60.

¹⁶ E. Beneš, *Úvahy o slovanství. (Hlavní problémy slovanské politiky)*, London [1944], с. 196–197.

intelektualistów wywodzących się z postępowej emigracji słowiańskiej w ZSRR oraz grupy intelektualistów radzieckich. Druga zaś – to szukanie przez władze radzieckie zarówno w płaszczyźnie wewnętrznej, jak i międzynarodowej wszelkich możliwości aktywizacji do walki z Niemcami.

Podstawowe cele programowe Komitetu sprowadzały się do propagowania idei solidarności społeczeństw okupowanych krajów słowiańskich, aktywnej walki zbrojnej z Niemcami; pozyskiwanie moralnego, politycznego i materialnego poparcia emigracji słowiańskiej w krajach niesłowiańskich dla walki Armii Czerwonej i dla zbrojnego ruchu oporu w okupowanych krajach słowiańskich.

Autor analizuje również stosunek emigracyjnych rządów krajów słowiańskich do działalności Komitetu Wszechsłowiańskiego, zwracając uwagę czytelnika na dwa zjawiska: 1) niechętnego ustosunkowania się oficjalnych przedstawicieli rządów Czechosłowacji, Jugosławii i Polski do faktu powstania i działalności Komitetu; 2) istnienia różnic i stopniowej ewolucji poszczególnych rządów emigracyjnych w stosunku do Komitetu.